

Третья, поздняя редакция Неозаглавленного письмовника словно предполагает общение с адресатами уже в более бытовом плане. Например, высший духовный адресат — митрополит или епископ — мыслится уже не как защитник от репрессий, а как материальный помощник: «пастыря» этого просят «упасти и извести на пажити», оказать «помощь и благодаание» и «благовестити нищим», даже бог назван «прещедрым и милостивым», а глас его «сладким». Или, например, в поздней редакции прибавлены новые послания таким «частным» адресатам, как чей-то брат или чей-то враг.

Лаконичному Неозаглавленному письмовнику стилистически противополжен письмовник «Посланием начало», который сосредоточился на компилировании и вариациях похвал только «вельможам». Исключительность адресатов подчеркнута здесь с разных сторон. «Вельможи» словно недосыгаемы иерархически: их род и «честь» восхваляются во всех посланиях, похвалы постоянно усиливаются количественными эпитетами («в великом чину своего добродетства ... паче сверстник своих», «паче всех человек», «во избранных превышшу», «многому в премудрости и множайшему в смиреннии» и т. д.). «Вельможи» для составителя письмовника являются морально-эстетическим идеалом: все они наделены тихостью, кротостью, ласковостью, добротой, а «красоту» их можно описать, лишь прибегнув к пейзажным сопоставлениям («аки солнечным лучем сияеши», «мню тебя своего господина, аки крин селный посреди терния процвел еси», «уподобился еси, господине, пчелинному трудолюбию и любостроению, яко же бо оны по полем летающе...») или сравнив адресата с «драгой приволокой», которая «многими и различными шолки испещрена». Наконец, мудрость «вельмож», начитанность и красноречивость — тоже обязательный элемент их характеристики. Причем послания письмовника обработаны в стилистическом соответствии с качествами адресатов. Вероятно, это одно из проявлений эпистолярного этикета: о «красоте» адресата говорится «красиво», с пейзажными уподоблениями, о «мудрости» — «мудро», с цитатами из «писания», о красноречии — красноречиво же, с подбором антитез, синонимов и т. п. Сразу бросаются в глаза повторы морфем, созвучия окончаний, рифмовка («не чясто тя, господине, видаю, а чясто тя, господина своего, поминаю») и даже аллитерации. Вот один из примеров: «... благородному и благоверному, боголюбивому и христулюбивому, богом украшенному и богом превоснесенному, богом удромому, и целом удромому, и богом почтенному, богтя, господине, почел паче всех человек ... а красоту твою, господине, Христос учил ангельским чином». Или еще: «и я до себя вины ныне не вем никакихы», «сладостию божественных словес слажаеши душу» и т. д. Вообще эпитет «сладкий» — самый частый в этом письмовнике, а умение красиво говорить — одна из главных похвал адресатам («тихому в речи и красному в беседе»).

В Азбучном письмовнике послания из-за их краткости лучше всего рассматривать комплексами, тогда можно увидеть, какие ассоциации, темы, сравнения связывались с данным типом адресата. В этом тоже проявляется, наверное, эпистолярный этикет. Например, в образцовых посланиях к крупным церковникам встречаются обычно темы света и борьбы с ересями: «светильнику церковному, солнцу светлейшему ... светлосияюще, небеснаго разуму просвещением озарительнаго великого света яснозрительных херувим блистаяся», женщины-адресаты обычно сравниваются с птицами: «ластовице благообразной», «горлице смиренной» и т. д. Когда пишут к книжникам или к ученым друзьям, вспоминают и о природе, растениях, драгоценностях: «добролиственному и многоплодо-